

Ю. А. Воронина

РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «СТУДЕНТ» В ИТАЛЬЯНСКОЙ АУДИТОРИИ

IULIA A. VORONINA

ANTON P. CHEKHOV'S SHORT STORY "STUDENT" IN THE ITALIAN AUDIENCE

Статья посвящена смысло-стилистическому анализу рассказа А. П. Чехова «Студент», основанному на наблюдении за функционированием языковых средств в составе каждой его композиционной части, что позволяет проследить за процессом формирования смысла целого текста и провести анализ перевода этого рассказа на итальянский язык с учётом его представления в итальянской аудитории. Итальянский текст представлен переводом Альфредо Полледро (1956 год), выполненным с максимальной лексической точностью, однако потребовавшим развёрнутого комментария в учебном процессе безэквивалентной лексики и слов, представляющих её церковнославянский пласт.

Ключевые слова: композиция рассказа, смыслоформирующие лексемы, церковнославянизмы, перевод на итальянский язык, лингвокультурологический анализ, безэквивалентная лексика.

The article is devoted to the stylistic analysis of Anton P. Chekhov's short story "Student", as a tale based on the observation of the functioning of linguistic resources. The work allows us to follow the formation of the meaning of a text and to analyze the translation of the tale into Italian in view of its submission to the Italian audience. The Italian translator of the tale is Alfredo Polledro (1956): his translation is characterized by maximum lexical precision, but needs the support of a wider lexical and semantic analysis of untranslatable words and Church Slavonic vocabulary during the learning process.

Keywords: composition of the tale, semantic analysis, church Slavonic words, Italian translation, linguistic and cultural analysis, untranslatable words.

**Юлия Александровна
Воронина**

Преподаватель русского языка,
аспирантка филологического
факультета Государственного
университета г. Мачерата
(Италия)
► Voronina.julie@gmail.com

*Научный руководитель:
д-р наук, проф.
Марко Саббатини*

Анализ аутентичного литературного текста в иностранной аудитории позволяет не только отработать навыки осмысленного чтения, наблюдения за функционированием языковых единиц, а также вовлечь студентов в творческую работу, отражающую их личное восприятие текста, нацелить их на интерпретацию данного художественного произведения.

Нет необходимости доказывать, что любой текст без читателя, вернее, вне восприятия читателем, ущербен. Реально он существует только в процессе его восприятия. Именно в этом смысле можно говорить о коммуникативной природе художественного текста, который на самом деле представляет собой структуру большой сложности. Если бы объем информации, содержащейся в поэтической (стихотворной или прозаической — в данном случае не имеет значения) и обычной речи, был одинаковым, писал Ю. М. Лотман, художественная речь потеряла бы право на существование и, бесспорно, отмерла бы. Обладая способностью концентрировать огромную информацию на «площади» очень небольшого текста (ср. объем повести Чехова и учебника психологии), художественный текст имеет еще одну особенность: он выдает разным читателям различную информацию — каждому в меру его понимания¹.

Для анализа мы выбрали рассказ А. П. Чехова «Студент». По воспоминаниям И. А. Бунина, Чехов выделял этот рассказ среди других своих произведений: «Напишут о ком-нибудь тысячу строк, а внизу прибавят: „а то вот еще есть писатель Чехов: нытик...“ А какой я нытик? Какой я „хмурый человек“? Какая я „холодная кровь“, как называют меня критики? Какой я „пессимист“? Ведь из моих вещей самый мой любимый рассказ „Студент“...»²

Однако смысл этого рассказа не так прост, филологи во всем мире до сих пор предлагают разные его толкования³.

В настоящей статье, кроме филологического толкования рассказа «Студент», будет проведен также сравнительный анализ оригинального текста с переводом на итальянский язык⁴. Зачастую любители русской литературы за рубежом знакомятся с произведениями русских классиков в переводе, кроме того, параллельное чтение русского текста и перевода иногда используется в практике преподавания РКИ. Известно, что любой переведенный художественный текст не передает полностью форму и смысл оригинала. Не находя стопроцентного эквивалента, переводчик выбирает более близкую по значению лексему или грамматическую конструкцию, что, к сожалению, в итоге приводит к затруднениям в понимании общей идеи, главного смысла текста. Увидеть неточности, отметить минусы, дать комментарий при работе с итальянским переводом рассказа А. П. Чехова «Студент» — цель данной работы.

Прежде всего, обратимся к названию рассказа, так как название содержит, может быть, не всегда прямые, но указания на тему текста и на его смысл. Студент — учащийся высшего учебного заведения, молодой человек, делающий первые шаги в жизни, размышляющий о жизни, при этом важно — учащийся, какого учебного заведения, к какому поприщу он себя готовит. Уже в самом начале рассказа читатель узнает, что герой — студент духовной академии, более того, его принадлежность к духовному званию отмечена трижды: он еще сын дьячка и у него типичная для русской церковной среды фамилия — Иван Великопольский. Здесь важно отметить, что «служители церкви, имею-

щие священный сан, или священнослужители, — это диаконы (первая, низшая степень священства) и иереи, или священники (вторая, высшая степень священства). В России конца XIX века даже священники и диаконы были, как правило, небогатыми людьми; дьячки же (причетчики, псаломщики) жили крайне бедно, нередко на грани нищеты»⁵.

Альфредо Полледро в данном случае употребляет *chièrico*, что в итальянской культуре обозначает — *membro del clero secolare o regolare; giovane avviato al sacerdozio, seminarista che non ha ancora ricevuto gli ordini; chi serve la messa e assiste il sacerdote nelle funzioni sacre; → ministrante*⁶. *Представитель духовенства, мирской или монашеский; молодой, вошедший в священство, семинарист, еще не получивший заданий; проводит службу и помогает священнику в церковных делах; → алтарник.*

В данном случае перевод практически полностью передает значение русского слова *дьячок*, теряя лишь указанную выше коннотацию (бедное, нищенское существование представителей данной профессии).

Духовная же академия, студентом которой является главный герой, давала по тем временам прекрасное образование, ее выпускники становились священниками, многие принимали монашеский постриг. Однако зачастую молодые студенты выбирали противоположный путь и становились яростными нигилистами и революционерами, примеры которых прекрасно приводит русская литература XIX века.

Так начало рассказа предопределяет некоторые ожидания, может быть, даже готовность читателя к восприятию содержания, подкрепленное указанием на время события — страстную пятницу, т. е. канун Пасхи, самого торжественного и любимого христианского праздника в России.

Рассказ как жанр малой повествовательной прозы содержит представление какого-то одного значимого для персонажа события, которое раскрывается в нескольких частях, формирующих его композицию, представляя какую-то проблему. Каждая композиционная часть составляет некоторое смысловое целое, характеризуясь отбором способных представить его смысл языко-

вых средств. Интегрируясь к концу рассказа, эти смыслы формируют в сознании читателя концептуальный смысл произведения в целом. Поэтому целесообразно при поставленной задаче — интерпретировать и понять смысл рассказа на основе лингвистического анализа — начать анализ с выделения композиционных частей.

В рассказе «Студент» можно выделить 5 частей. Условно обозначим их как 1) возвращение с охоты, 2) размышления Ивана, 3) встреча с женщинами (вдовами) и рассказ о Петре, 4) реакция (отклик, переживания) женщин, 5) изменившееся настроение Ивана.

При работе в иностранной аудитории студенты, читая рассказ с помощью преподавателя, сами пытаются определить его композиционные части. В качестве домашнего — может быть дано задание озаглавить эти 5 частей. Очевидно, что в центре рассказа — те его части, где Иван передает содержание библейской притчи, а также ответная реакция женщин. Но всякое повествование, рассказывая о событии, включает действующих лиц: Иван и детали, создающие его образ, образы женщин, фоном служат пейзажные зарисовки, которые в художественном тексте всегда соотносятся с состоянием персонажей. Все это заслуживает тщательного анализа при работе с текстом.

Первая часть рассказа, как мы указывали, сообщает о возвращении Ивана с охоты. Остановимся на лексике, характерной для описания русской охоты:

Кричали дрозды, и по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку. Протянул один вальдшнеп, и выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе раскатисто и весело.

Schiamazzavano i tordi e nelle paludi dei dintorni qualcosa di vivo faceva un brusio lamentoso, come se soffiasse in una bottiglia vota. Passò a volo una beccaccia e il colpo che le fu sparato risonò nell'aria primaverile con allegri rimbombi.

Характеристика выстрела передается в оригинале двумя наречиями (*прозвучал раскатисто и весело*), в итальянском переводе автор использует конструкцию (*risonò con allegri rimbombi* — *прозвучал с веселым грохотом*).

Дрозд, вальдшнеп (tordo, beccaccia) — виды птиц. Вальдшнеп — типичная для весенней охоты птица. На утренней и на вечерней заре вальдшнеп-самец начинает тянуть, он поднимается на крыло и облетает небольшую территорию в поисках самки. В этот момент охотники как раз и стреляют по птице. Здесь при совместной работе со студентами можно вспомнить других птиц и животных, на которых можно охотиться.

Интересно обратить внимание, что в тексте используется архаичная грамматическая конструкция *выстрел по нем*. Также особого внимания заслуживает лексема *тяга (caccia)*.

Тяга, -и, ж. (спец.). Весенний перелет крупных птиц (вальдшнепы, гуси, утки) в поисках самки. Стоять на тяге (охотиться во время такого перелета). При переводе на итальянский язык используется более общий термин *caccia* — *ricerca e inseguimento di animali per ucciderli o catturarli vivi*⁷ — *поиск и слежка за животными, чтобы или убить их или схватить живыми* — *то есть охота*.

Обратим внимание и на описание погоды. За то короткое время, которое Иван проводит в лесу, она резко меняется:

Погода вначале была хорошая, тихая Il tempo da principio fu bello, calmo;.. что-то живое жалобно гудело... qualcosa di vivo faceva un brusio lamentoso;.. выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе раскатисто и весело... il colpo che le fu sparato risonò nell'aria primaverile con allegri rimbombi;.. некстати подул с востока холодный пронизывающий ветер... in mal punto soffìo da oriente un vento freddo e penetrante; По лужам протянулись ледяные иглы, и стало неудобно, глухо, нелюдимо, запахло зимой. Sulle pozzanghere si allungarono degli aghetti di ghiaccio e il bosco divenne squallido, solitario e inospite. Si sentì l'odore dell'inverno.

Здесь, как в оригинале, так в итальянском переводе, необходимо отметить, что повествование ведется от 3-го лица, но оно персонифицировано: это не только изменившаяся объективная картина погоды, но и ее непосредственное восприятие студентом, о чем говорит не только отбор лексики (*что-то живое qualcosa di vivo, выстрел по нем прозвучал il colpo che le fu sparato* — значит, был кто-то, кто его услышал, *некстати (для кого?) in mal punto (per chi?) пронизывающий*

(кого?) *ветер un vento penetrante*), но и грамматические формы безличного предложения (*стало* (кому?) *неуютно, глухо, нелюдимо divenne squallido, solitario e inospite*), которые в русском языке при отсутствии в них непосредственного указания на субъект (ему, Ивану и т. п.) относят состояние к говорящему. Так в этом описании, без прямого на то указания, происходит перемещение точки наблюдения от повествователя к персонажу.

Подготовленная таким образом **вторая часть рассказа** позволяет читателю включиться в размышления студента, которые организуются конструкциями: *ему казалось, что наступивший холод... gli pareva che questo freddo improvvisamente sopraggiunto...; студент вспомнил... lo studente rammentò...; он думал о том... lo studente pensava...; и ему не хотелось домой... e non aveva voglia di andare a casa*. Обратим внимание на «разнохарактерность» и поэтому естественность содержания его мыслей: общее восприятие окружающего мира сменяется бытовой зарисовкой:

Студент вспомнил, когда он уходил из дому, его мать, сидя в сенях на полу, босая, чистила самовар, а отец лежал на печи и кашлял; по случаю страстной пятницы дома ничего не варили, и мучительно хотелось есть.

Lo studente rammentò che, quando era uscito di casa, sua madre, seduta nell'andito sul pavimento, scalza, stava ripulendo il samovar, e suo padre era disteso sulla stufa e tossiva; in occasione del Venerdì Santo in casa non si era cucinato affatto ed egli aveva una voglia tormentosa di mangiare.

Здесь нельзя не обратить внимание на некоторые типичные русские «лингвокультуремы», которые требуют особой осторожности при переводе на иностранный язык⁸.

Сени — в деревенских избах и в старину в городских домах: помещение между жилой частью дома и крыльцом. Переводчик выбирает нейтральное слово *andito* — *corridoio, o in genere ambiente secondario di passaggio e disimpegno, in case d'abitazione*⁹. Коридор или какое-либо другое второстепенное помещение, отдельный проход в жилых помещениях. Является архаизмом и в некоторой степени передает значение оригинала.

Самовар — металлический сосуд для кипячения воды с краном и внутренней топкой — вы-

сокой трубкой, наполняемой древесными углями. Переводчик использует транслитерацию, так как слово принадлежит к пласту *безэквивалентной лексики*¹⁰ и не переводится на иностранные языки.

Печь — сооружение (из камня, кирпича, металла) для отопления помещения, приготовления горячей пищи. Комнатная печь. Русская печь — большая квадратная кирпичная печь с широким полукруглым жерлом и верхней лежанкой. В итальянском тексте печь передается лексемой *stufa* — что обозначает *печь*, однако требует дополнительного описания в русской культуре.

Интересно, что все слова имеют древнерусскую основу. Данный отрывок имеет очень яркий колорит русской деревенской жизни. Здесь при работе в итальянской аудитории уместно воспользоваться фотографиями и зарисовками из фольклора.

Возможно, что мать сидит на полу босая, так как после «чистого четверга» боится запачкать обувью полы. В православной традиции, по народным повериям, в этот день принято мыть и украшать жилище, красить яйца, печь куличи, купаться (отсюда «чистый четверг»). Также важно здесь, что она не моет, а именно чистит самовар, что определяет его специфику, медный корпус.

Нельзя не оставить без комментария фигуру отца Ивана, которого А. П. Чехов упоминает в рассказе второй раз, подчеркивая его болезненное состояние. Помним, что для Чехова, с одной стороны, врача и, с другой — носителя тяжелой болезни, нелёгкое физическое состояние было знакомо не понаслышке.

Эта бытовая зарисовка сменяется воспоминаниями о таких исторических личностях, как Рюрик, Иван Грозный, Петр. Сразу бросается в глаза значимость данных фигур для истории России, с именем князя Рюрика связано возникновение Киевской Руси, Иван Грозный — великий князь московский и всея Руси, который превратил Россию в огромную державу, и, наконец, Петр I — первый российский император, символ нового государства, со столицей в Санкт-Петербурге. А. П. Чехов в свойственной ему лаконичной манере двумя строками, тремя именами описывает всю историю России. Контраст в самом содержа-

нии размышлений порожден тягостным выводом о неизменности жизни: *и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше.*

В **третьей части** размышляющий о неизменности тягот жизни и самой природы человека студент встречается с новыми персонажами:

Вдова Василиса, высокая, пухлая старуха в мужском полушубке, стояла возле и в раздумье глядела на огонь: ее дочь Лукерья, маленькая, рябая, с глуповатым лицом, сидела на земле и мыла котел и ложки. Очевидно, только что отужинали.

La vedova Vasilisa, una vecchia alta e grassoccia, con una pelliccia corta maschile indosso, stava lì accanto e guardava il fuoco, assorta; sua figlia, Luker'ja, piccola, butterata, con un viso un po' sciocco, era seduta in terra e lavava la pentola e i cucchiari. Evidentemente avevano appena finito di cenare.

В этом описании чрезвычайно важны все детали, они без прямых наименований характеризуют и роль Василисы во вдовой жизни и отношения между матерью и дочерью: *вдова в мужском полушубке, дочь — с глуповатым лицом — моет посуду.* Складывается представление о ситуации, которая вписывается в одну фразу: *только что отужинали* и дополняется следующей: *Слышались мужские голоса; это здешние работники на реке поили лошадей.* Глагол *отужинали* является устаревшей формой глагола *поужинали*. Мужской полушубок матери, характеристика (с глуповатым лицом) и занятие дочери (сидела на земле и мыла котел и ложки) намекают нам на распределение обязанностей в их новой семье (обе остались без мужей), по всей вероятности, всю ответственную и тяжелую работу выполняла мать, наоборот же, женскую и более легкую — дочь. Характеристики женщин уточняются после вступления студента в разговор с ними, развивая линию его восприятия–припоминания того, что он о них знает:

Василиса, женщина бывалая, служившая когда-то у господ в мамках, а потом в няньках, выражалась деликатно, и с лица ее все время не сходила мягкая степенная улыбка; дочь же ее Лукерья, деревенская баба, забитая мужем, только шурилась на студента и молчала, и выражение у нее было странное, как у глухонемой.

Vasilisa, una donna sperimentata, che un tempo aveva servito in casa di signori come balia, poi come bambinaia, si esprimeva con finezza e un dolce, grave sorriso non lasciava mai il suo volto; sua figlia Luker'ja invece, una donna di compagnia maltrattata dal marito, si limitava a guardare lo studente strizzando gli occhi, in silenzio, e aveva un'espressione strana, come quella di una sordomuta.

Здесь особое значение приобретает характеристика женщин и ее передача на итальянский язык.

Василиса, женщина бывалая = Vasilisa, una donna sperimentata.

Бывалый — много видавший и испытывший.

В данном случае причастие *sperimentata*, являясь устаревшей формой, полностью передает значение прилагательного *бывалая*.

...служившая когда-то у господ в мамках, а потом в няньках... = ...che un tempo aveva servito in casa di signori come balia, poi come bambinaia...

Служить в мамках.

Мамка — кормилица, нянька (устар.).

Balia — *donna che allatta un figlio di altri, solitamente dietro compenso; nutrice*¹¹. *Женщина, кормящая чужого ребенка, как правило, за плату, медсестра.*

Служить в няньках.

Нянька (разговорный вариант от няня) — работница, занимающаяся уходом за детьми.

Bambinaia — *donna che, dietro retribuzione, si prende cura dei bambini altrui*¹². *Женщина, за плату заботящаяся о чужих детях.*

В данном случае итальянский перевод *balia* и *bambinaia* соответствует номинациям автора.

Здесь важно отметить необычное глагольное управление. Глагол *служить* в современном русском языке потребовал бы скорее творительного падежа в значении принадлежности к той или иной профессии: *служить* (то есть *работать*) + *няней*, *служить* + *сторожем* и т. д. В тексте А. П. Чехова употребляется архаичная форма предложного падежа множественного числа *служить в мамках*, которая в современном русском языке в единственном числе выражала бы значение места: *служить в армии*, *служить в министерстве*.

Степенная улыбка = *grave sorriso*.

Степенный — рассудительно-серьезный, важный.

В данном случае переводчик находит наиболее подходящее определение *grave* — *fig., lett. serio, importante*¹³. Серьезный, важный.

Деревенская баба = *una donna di contragna*.

Баба — замужняя крестьянка, а также вообще женщина из простонародья (прост.). Здесь важно показать разницу между нейтральным существительным *donna*, что означает *женщина*, и просторечным *баба*, что, несомненно, имеет оттенок — *contadina*.

Забитая мужем = *maltrattata dal marito*.

В данном случае страдательное деепричастие *забитая* образовано от глагола *бить* (*забить*), что обозначает *наносить удары*. Переводчик выбирает более нейтральное определение *maltrattata*, что выражает плохое обращение мужа по отношению к жене, однако не выражает грубого физического насилия. Это, несомненно, должно быть отмечено при работе с двумя текстами. Здесь возможно уточнение *malmenata*.

Вступление в разговор с женщинами происходит как продолжение мыслей студента: закончившаяся первая часть словами *запахло зимой si sentì l'odore dell'inverno* начинается здесь его репликой: *Vot вам и зима пришла назад! Eccovi bell'e tornato l'inverno!*

И снова читатель оказывается в поле мыслей Ивана — студента духовной академии, сознание которого ассоциативно привязано к текстам Священного Писания. Начало его рассказа-размышления диалогизировано:

Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр, — сказал студент, протягивая к огню руки. — Значит и тогда было холодно. Ах, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!

Proprio allo stesso modo in una fredda notte si scaldò accanto al fuoco l'apostolo Pietro — disse lo studente, stendendo le mani verso il fuoco. — Dunque anche allora faceva freddo. Ah, che notte terribile fu quella, nonnina! Una notte malinconica e lunga oltre ogni dire!

Это рассказ, обращенный к слушательнице и приобретающий в силу этого актуальный

характер. Он весь пронизан репликами взаимодействия и деталями, сближающими жизненные ситуации того далекого времени и настоящего момента, это опять же заслуживает особого внимания при переводе:

— **Небось** была на двенадцати евангелиях? — Была, — ответила Василиса.

Ci sei stata, credo, ai dodici vangeli? — *Sì, ci sono stata, — rispose Vasilisa.*

Здесь при работе на продвинутом уровне необходимо показать значение частицы *небось* (в отличие от вводного слова, как в данном контексте, которое можно перевести *tagari, probabilmente, forse*), которая выражает уверенность или предположение. Не требует постановки знаков препинания.

В этой же фразе отдельного комментария требует выражение *двенадцать евангелий*, которое переводится как *dodici vangeli* и, несомненно, вызывает затруднения в понимании чеховского текста. Конечно же, Евангелий, как в православной, так и католической традиции, было четыре. В данном случае имеется в виду служба «Двенадцати Евангелий» — великопостное богослужение, совершаемое вечером Страстного Четверга. Имеет своим содержанием благовестие о страданиях и смерти Спасителя, выбранное из всех евангелистов и разделенное на двенадцать чтений, по числу часов ночи¹⁴.

По-итальянски дословно это *i dodici vangeli*, но в современной католической церкви нет такого понятия/названия. Служба Страстного Четверга называется *I Serolcri*. Это требует внимания и объяснения при работе в итальянской аудитории.

— **Если помнишь**, во время тайной вечери... = *Se rammenti, durante la sacra cena...*

Потом, **ты слышала**, в ту же ночь Иуда поцеловал Иисуса... = *Poi, tu hai sentito, Giuda in quella stessa notte baciò Gesù...*

... а Петр, **изнеможенный**, замученный тоской и тревогой, **понимаешь ли**... = *e Pietro affranto, tormentato dall'angoscia e dall'ansietà, capisci, ...*

С ним около костра стоял Петр и **тоже грелся**, как вот я **теперь**... = *Stava con loro vicino al fuoco Pietro e anch'egli si scaldava, ecco, come me, adesso.*

Вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал. В евангелии сказано: «И исшед вон,

плакался горько». **Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад**, и в тишине едва слышатся глухие рыдания...= *Se ne ricordò, si riebbe, se ne andò dal cortile e pianse amarissimamente. Nel Vangelo è detto "E uscì fuori, piangendo amaramente".* **Immagino: un orto tutto silenzioso, tutto buio**, e nel silenzio si odono appena sordi singhiozzi...

Однако не только внешние сближения (повод для рассказа), но, что важнее, способность человека откликнуться на внутреннее содержание: вспомнить о своих бедах, поступках, за которые мучает совесть, выявляют в притче тот глубокий, объединяющий, а не разобщающий людей смысл, в котором и заключается или должна заключаться сущность христианства. Без «умственного» анализа, глубоким чувством воспринимают это и обе женщины:

Продолжая улыбаться, Василиса вдруг всхлинула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слез, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль.

Continuando a sorridere, Vasilisa a un tratto singulti, delle lacrime, grosse, copiose, le corsero per le guance, ed ella con la manica si fece schermo al viso contro il fuoco, come vergognandosi delle proprie lacrime, mentre Lucer'ja, guardando immobile lo studente, arrossi, e la sua espressione si fece penosa e tesa, come quella di una persona che reprima un violento dolore.

Может быть, на этом и мог бы закончиться рассказ, но Чехов все-таки вводит в его композицию еще **четвертый**, осмысливающий ситуацию компонент (сближаясь в этом с Л. Н. Толстым, постоянно комментирующим изображенные им события). У Чехова этот компонент вписывается в ту линию, которая составляет «сюжет персонажа»:

Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а ее дочь смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему — к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому,

что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра.

Lo studente pensò di nuovo che, se Vasilisa si era messa a piangere e la sua figlia si era turbata, evidentemente ciò ch'egli poc'anzi aveva raccontato, ciò che era avvenuto diciannove secoli addietro, aveva un legame col presente: con le due donne e, probabilmente, con quella campagna deserta, con lui stesso, con tutti gli uomini. Se la vecchia aveva pianto, non era stato perché egli sapesse raccontare in modo commovente, ma perché ella, con tutto l'essere suo, aveva interesse a ciò che era avvenuto nell'anima di Pietro.

Неожиданным и сложным для толкования кажется слово — *заинтересована*. Первое, прагматическое значение «заинтересованный — обнаруживающий, заключающий в себе или имеющий для кого-н. интерес» получает какие-то дополнительные коннотации, которые можно истолковать как интерес, поиск того, что может освободить память человека от чего-то обременяющего совесть, может привести к «прощению» всепонимающего Спаса (ср. образ всепонимающего Спасителя в иконах Андрея Рублева).

Этот компонент, к сожалению, теряется при переводе на итальянский язык.

Последний, **пятый, компонент** рассказа обрывает с началом ту «рамку», которая создает его смысловую целостность, включая тему прошлого, которое осознается как связанное «с настоящим непрерывною цепью событий, вытекающих одно из другого», и тему жизни человека в том родном мире, который ему дан: *он переправлялся на пароме через реку и потом, поднимаясь в гору, глядел на свою родную деревню и на запад, где узкою полосой светилась холодная багровая заря... (река, гора, родная деревня и даже запад с зарей)*. И в этом мире ему предстоит изведать все то, что жизнь способна дать человеку:

... то думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы, — ему было только 22 года, — и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овла-

девали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла.

... egli *pensava* la verità e la bellezza che avevano indirizzato la vita umana laggiù, nell'orto e nel cortile del gran sacerdote, erano continuate senza interruzione fino ad oggi ed evidentemente avevano sempre costituito l'essenziale nella vita umana e, in genere, sulla terra, e un senso di giovinezza, di salute, di forza — egli non aveva che ventidue anni — e l'attesa inesprimibilmente dolce della felicità, si andavano impressando di lui a poco a poco, e la vita gli pareva affascinante, prodigiosa e colma di un alto significato.

Итак, основная — событийная линия повествования в рассказе реализуется с помощью смены мест, где находился персонаж: Иван, возвращаясь с тяги домой, шел все время заливным лугом по тропинке... И действительно, как справедливо замечает Марко Скарпа, в первой части преобладают глаголы движения, также динамикой характеризуется и последняя, заключительная часть рассказа (в первой части: «возвращаясь», «шел»; в третьей: «пошел», «переплавлялся», «поднимаясь»)¹⁵. Кульминация рассказа представляет собой статичную картину и начинается в духе сообщения о настроении героя: *ему не хотелось домой*. Статика ощущается и в первой фразе следующего абзаца: *Огороды назывались вдовьими, потому что их содержали две вдовы мать и дочь. Костер горел жарко*. Однако, кроме этого, параллельно развиваются еще по крайней мере две темы, по своему еще два сюжета: размышления Ивана как порождение вспыхивающих ощущений, чувств, руководящих мыслями, и включенность персонажа в мир — людей, природы и — шире — всего того, что его окружает, всего, что было до него и будет после него, но где и ему принадлежит свое особое место. Каждый из этих сюжетов представлен особым языком: многообразие средств выражения, их значения в данном тексте определяются как объектом изображения, четко соответствуя российской действительности, так и индивидуальным видением мира автором и его писательским талантом.

При переводе на итальянский язык в большинстве случаев переводчику удается сохранить как значение слов, так и синтаксис предложений. Отдельного комментария требует специальная

лексика, характерная для охоты, деревенского быта. Понимание рассказа в итальянской аудитории невозможно без фоновых знаний об истории России, о традициях и культуре. Сюжет рассказа представляет собой яркую картину российской действительности конца XIX века и в достаточной степени описывает русский национальный характер. Религиозный пласт лексики, история отречения Апостола Петра не вызовет в итальянской аудитории трудностей, все это хорошо знакомо итальянскому читателю, воспитанному в католическом духе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лотман М. Ю. Структура художественного текста. М., 1970.

² Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 18 т. Т. 8. М., 1985. С. 507.

³ Злочевская А. В. «Студент» А. П. Чехова: Некоторые размышления. 13 марта 2008. — URL: <http://www.bogoslov.ru/text/288612.html>; Джексон Р. Л. «Человек живет для ушедших и грядущих»: О рассказе А. П. Чехова «Студент» // Вopr. литературы. 1991. № 9. С. 125–130; Скарпа М. Несколько размышлений по поводу рассказа А. П. Чехова «Студент» // Studi Slavistici X. 2013. P. 259–264; Шишков М. С. Рассказ А. П. Чехова «Студент»: лингвокультурологический анализ и возможности презентации в иностранной аудитории // Чуждоезиковое обучение. 2013. Т. 40. № 4. С. 555–560.

⁴ Cechov Anton P. Racconti a cura di Eridano Bazzarelli / Traduzione di Alfredo Polledro. BUR Rizzoli, 2010.

⁵ Матюшенко А. Г. Произведения А. П. Чехова на занятиях по русскому языку с иностранными учащимися-филологами (анализ рассказа «Студент») // Мир русского слова. 2010. № 1. С. 69–77.

⁶ Dizionario della Lingua Italiana di Gabrielli Aldo. 2011.

⁷ Ibid.

⁸ Воробьев В. В. Лингвокультурология. М., 2006.

⁹ URL: <http://www.treccani.it/>

¹⁰ Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.

¹¹ Dizionario della Lingua Italiana...

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ URL: http://azbyka.ru/dictionary/17/strastnye_evangelija-all.shtml

¹⁵ Скарпа М. Указ. соч.